

— Так быстро вышвырнули? — раздался насмешливый голос. — Совершенно бесполезен. Такая красота — и всё зря.

Странное ощущение в затылке не давало Цзян Лоло сосредоточиться на словах говорившего. Он коснулся шеи, пытаясь понять, что же он упускает.

— Не трогай, всё равно калека! — тот же голос грубо схватил его за руку и потащил к машине. — Хватит позориться, дома разберёмся.

— Отпусти, — Цзян Лоло попытался разжать его пальцы, но врождённая разница в силе между омегой и альфой была слишком велика. Его без малейшего усилия затащили в белый спорткар.

Машина сорвалась с места, унося его прочь от роскошного особняка.

***

Семья Цзян.

Когда его втащили в гостиную, вся семья была в сборе — казалось, шло какое-то семейное собрание.

— Ого, переоделся? — хмыкнул старший сын семьи Цзян, альфа и известный повеса. При виде смазливового личика своего сводного брата его пустые, затуманенные разворотом глаза окинули Цзян Лоло оценивающим взглядом. — Этот, по фамилии Хо, оставил тебя?

— О чём ты размечтался! — фыркнул тот, кто привёз Цзян Лоло. — На нём даже запаха феромонов Хо Цзэдуна нет. Господин Хо его и пальцем не тронул. — С этими словами он развалился на диване. — Отец, вы просчитались. Он ему попросту не приглянулся. Я же говорил, человек уровня Хо-е каких только омег не видел. С чего бы ему польститься на калеку?

— Второй сын прав, — вставила женщина, стоявшая рядом с отцом Цзян. Её лицо скривилось в злобной гримасе, когда она уставилась на Цзян Лоло. — Говорила я, не стоит его столько лет растить. Смазливая мордашка, а сам — неполноценный. Только зря кормили, даже вложенные деньги не отбить!

Странное ощущение в железе вызывало у Цзян Лоло головокружение. Он и раньше не питал к этой семье тёплых чувств, а сейчас, когда они видели в нём лишь товар для обмена на деньги, его тошнило от одного их вида. Слушать их язвительные насмешки, когда ему и так было плохо, было невыносимо.

Чувство дискомфорта усиливалось. Он развернулся, чтобы уйти, но дорогу ему преградила чья-то фигура.

— Куда собрался, убыточный кусок? Кто тебе разрешал уходить?

Это был младший сын отца Цзян, Цзян Тяньи. Он скоро должен был достигнуть совершеннолетия и пройти второе распределение, и генетический тест предсказывал, что он станет альфой.

Воспоминания захлестнули его волной: картины унижений, которым первоначальный владелец тела подвергался от рук этого юнца, одна за другой всплывали в сознании.

Цзян Лоло медленно повернул голову, обводя взглядом отвратительные лица всех пятерых членов семьи.

— Вы все меня ненавидите. Разве не лучше будет, если я уйду? Зачем вы меня останавливаете?

— Уйдёшь! Как бы не так! — взвизгнула его мачеха. — Мы тебя столько лет растили, а ты хочешь просто взять и сбежать?

— Растили меня столько лет? — Цзян Лоло до боли сжал ладонь, чтобы не потерять сознание, и встретился взглядом с её злобными, ядовитыми глазами. — В законе сказано, что оставление ребёнка запрещено. Родители, как первые опекуны, обязаны растить своих детей. А за оставление омеги наказание самое суровое — не только штраф, но и уголовная ответственность.

Хрупкий омега посмотрел на мужчину, сидевшего во главе стола. Его звонкий голос звучал на удивление спокойно.

— Разве вы растили меня по доброй воле? Вы делали это, чтобы не нести уголовную ответственность, чтобы избежать наказания. Вы были обязаны растить меня до совершеннолетия. Услуга за услугу, это справедливо. Почему же в ваших устах это звучит как милостыня?

— Да ты взбунтовался! — Отец Цзян, взбешённый такой дерзостью, ударил кулаком по столу. — Я твой отец! А ты мой сын! Что я скажу, то и будешь делать!

Цзян Тяньи, привыкший к безнаказанности, замахнулся, чтобы ударить Цзян Лоло. Тот поднял на него глаза.

— Цзян Тяньи, хорошенько подумай. Согласно «Закону о защите омег», за избиение омеги полагается арест на срок от трёх дней.

— Ты!.. Ты всего лишь раз вышел из дома и уже смеешь огрызаться! Смотри, как я тебе рот порву!

Рука Цзян Тяньи застыла в воздухе. Омега перед ним смотрел прямо, без тени страха, и во всём его виде читалась непреклонная решимость: «Только тронь — и я тебя посажу». Цзян Тяньи, трусливый перед силой, почувствовал, что с этим Цзян Лоло в последнее время творится что-то неладное, и ударить не решился.

— Хватит, не шумите, — слова отца разрядили обстановку.

Цзян Тяньи опустил руку и подбежал к отцу, ухватившись за его рукав.

— Папа, мы его столько лет кормили и поили. Наконец-то он достиг совершеннолетия и может принести пользу. Нельзя его так просто отпускать! Хо Цзэдун его не захотел? Отлично! Дядя Ли ведь не брезгует тем, что он калека. Выдадим его замуж за дядю Ли!

На лице Цзян Тяньи застыло такое же злобное выражение, как и у его матери, пока он услужливо строил планы.

— Конечно, дядя Ли даст нам гораздо меньше, чем Хо Цзэдун, но это всё равно лучше, чем и дальше держать этого дармоеда дома.

Цзян Тяньчжэнь посмотрел на прекрасного омегу с алыми губами и белоснежной кожей. На его сальном лице отразилось сожаление.

— Этот старик Ли... уж слишком он стар...

Глядя на то, как эта семья обсуждает, как бы выгоднее его продать, Цзян Лоло чувствовал приступы тошноты. Он никогда не думал, что в мире могут существовать настолько бесстыдные люди.

— Я не выйду за него замуж, даже не думайте!

Цзян Лоло развернулся, чтобы уйти, но слуги окружили его, преграждая путь. Отец Цзян поднялся со своего места.

— Не вини меня. Вини то, что ты — бесполезный омега, не способный принести семье ни капли славы! Я надеялся, что с твоей мордашкой удастся получить хоть какую-то выгоду от Хо Цзэдуна. Раз уж ты ему не приглянулся, послужи хоть для чего-то. Станешь новой женой старика Ли.

Цзян Тяньи торжествующе хмыкнул, подливая масла в огонь.

— Попадёшь к дяде Ли — веди себя послушно. Его все эти ваши «Законы о защите омег» не пугают. У него наверху есть связи, он столько жён-омег до смерти забил — и ничего, живёт себе припеваючи. Впрочем, вы, омеги, все такие ничтожества, без альфы жить не можете, только и умеете, что феромонами соблазнять... — Цзян Тяньи протянул слова, глядя на Цзян Лоло, от которого уже начал исходить едва уловимый аромат. — Ой, как удачно, у тебя как раз течка начинается.

Отец Цзян нахмурился.

— Быстро закройте его и вколите ингибитор...

— Папа, — Цзян Тяньи потянул отца за рукав, прерывая его. — Дядя Ли ведь скоро приедет. Пусть увидит его в таком жалком виде, может, мы сможем накинуть цену и побольше заработать...

Затылок горел огнём. Цзян Лоло, пошатываясь, опёрся о дверной косяк и попытался выйти, но толпа бета-слуг преградила ему путь.

— Смотрите, на ногах не стоит. Старший брат поможет...

Чья-то рука потянулась к нему.

Цзян Лоло, чувствуя, как подкашиваются ноги, увернулся. За спиной раздался исполненный снисходительной любви голос отца:

— Тяньчжэнь, не балуйся.

Отвращение. К этой семье Цзян Лоло испытывал отвращение до глубины души.

Рука всё же схватила его, пальцы похотливо заскользили по коже, вызывая у Цзян Лоло приступ омерзения.

— Убери руки.

Он попытался оттолкнуть брата, но тот лишь придвинулся ближе, собираясь обнять его.

Звонкая пощёчина разорвала тишину. Цзян Тяньчжэнь схватился за горящую щеку.

— Ах ты, маленькая дрянь! Ты смеешь меня бить?! Взбунтовался! Смотри, я тебя сегодня убью!

Он замахнулся, чтобы ударить Цзян Лоло в ответ, но прежде чем его ладонь опустилась, он

сам, вместе с занесённой рукой, отлетел в сторону и с грохотом врезался в колонну.

— Какого хрена! Кто смеет бить меня...

Цзян Тяньчжэнь, грязно ругаясь, попытался подняться, но двое охранников в чёрном тут же прижали его к полу и, словно мешок с мусором, оттащили назад.

— Бить тебя? — ледяной голос раздался сверху. Тяжёлый, давящий взгляд впился в него. Альфа, стоявший рядом с Цзян Лоло, произнёс с леденящей душу угрозой: — Я должен был убить тебя.

— Господин Хо... — муки течки затуманили сознание Цзян Лоло. Он прижался к Хо Цзэдуну, цепляясь за его пояс и тихо всхлипывая.

Запах крепкого алкоголя, исходивший от альфы, на мгновение принёс облегчение, но тут же заставил его железу пылать ещё сильнее. Хо Цзэдун заключил его в объятия и обвёл холодным взглядом всю эту отвратительную семейку, остановившись на мужчине-альфе средних лет. Он отчётливо помнил, как этот человек, по фамилии Цзян, раболепно расхваливал собственного сына. И стоило ему на мгновение отвернуться, как тот уже осмелился так обращаться с омегой, которого он приметил для себя.

— Г-господин Хо... — пролепетал отец Цзян, в шоке глядя на то, как Хо Цзэдун обнимает его никчёмного сына. На его лице проступила заискивающая улыбка. — Как вы здесь оказались...

— Моего человека, — ледяным тоном прервал его заискивания альфа, — ты хотел отдать другому?

Хо Цзэдун прищурился. Его голос сочился холодом.

— Цзян Годун, а ты смельчак.

Цзян Годун почувствовал, как у него подкосились колени. Он едва не рухнул на пол. Хо Цзэдун сделал знак, и ему поднесли кинжал. Цзян Годун повалился на колени, в его глазах застыл ужас.

— Г-господин Хо... что это значит...

Хо Цзэдун холодно усмехнулся и с силой наступил ботинком из чёрной кожи на лицо Цзян Тяньчжэня.

— Он прикоснулся к моему человеку. Я хочу лишь небольшую компенсацию. Это не будет чрезмерным.

— Папа! Папа! Спаси меня, папа! — лицо Цзян Тяньчжэня исказилось под ботинком, изо рта потекла слюна. Он в ужасе смотрел на своего отца, Цзян Годуна.

— Господин Хо, он ещё так молод... он ведь ничего плохого не сделал... — Цзян Годун, держа в руках кинжал, вдруг посмотрел на Цзян Лоло в объятиях Хо Цзэдуна, словно увидел в нём спасение. — Лоло! Все эти годы папа и старший брат хорошо к тебе относились. Попроси господина Хо, умоляй его проявить милосердие...

Цзян Лоло с отвращением отвернулся и спрятал лицо на груди Хо Цзэдуна.

«Как же мерзко».

Цзян Годун поднял глаза и встретился с нетерпеливым взглядом Хо Цзэдуна. Он не осмелился больше медлить. Дрожащими руками он поднёс кинжал к правой руке Цзян Тяньчжэня — той самой, что посмела коснуться Цзян Лоло.

— Не вини отца, сынок... Отец должен думать о семье Цзян... кто просил тебя обижать того, кого не следовало... Папочка ведь для твоего же блага старается...

— А-а-а-а!

Раздался душераздирающий крик. Цзян Годун, словно очнувшись, отшвырнул окровавленный кинжал и с ужасом посмотрел на Хо Цзэдуна.

— Господин Хо, вы видите...

— А ты и впрямь хороший отец.

В холодном голосе Хо Цзэдуна слышалась откровенная насмешка. Он бросил мимолётный взгляд на Цзян Тяньчжэня, который корчился на полу, зажимая искалеченную руку, и медленно отвёл глаза.

Под истеричные крики семьи Цзян «зовите врача!», он поднял Цзян Лоло на руки и, развернувшись, покинул дом.

Омега в его объятиях сжался в комочек. Он тёрся щекой о его плечо и плачущим голосом шептал:

— Господин Хо... так больно...

<http://bllate.org/book/15808/1439946>